

Эмиль Бродт

Маленькие трагедии

Сборник

Эмиль Бродт

Маленькие трагедии. Сборник

«Издательские решения»

Бродт Э.

Маленькие трагедии. Сборник / Э. Бродт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512896-6

«Маленькие трагедии» — сборник прозаических и драматических произведений, в которых автор — Эмиль Бродт — раскрывает всю глубину человеческой души. Любовь и ненависть, счастье и грусть, добро и зло — с этими переживаниями мы сталкиваемся ежедневно, они не чужды каждому человеку. Но каковы истоки этих, казалось бы, знакомых нам всем чувств и эмоций? Короткие, но емкие рассказы и пьесы дают читателю возможность погрузиться в мир простых человеческих переживаний и попытаться разгадать их.

ISBN 978-5-00-512896-6

© Бродт Э.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Проза	7
Дух леса	7
Письмо младшего сына	9
Две супружеские пары в одном купе	12
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Маленькие трагедии Сборник

Эмиль Бродт

© Эмиль Бродт, 2020

ISBN 978-5-0051-2896-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Довольно давно я хотел сделаться писателем. Я писал рассказы и пьесы. Один рассказ был напечатан в журнале, и одна пьеса была поставлена в театре. Когда при этом я стал общаться с редактором, режиссёром и артистами, я понял: чтобы быть писателем, недостаточно просто писать рассказы и пьесы. Оказалось, что это полноценная работа, которой невозможно заниматься между делом. У меня уже была профессия, и поэтому возникла проблема, что выбрать.

Я выбрал эту свою другую профессию и больше ничего не писал. Но недавно мне сделалось жаль, что от того моего увлечения может совсем ничего не остаться. Поэтому я решил сделать эту книгу. Я включил в неё несколько рассказов и две пьесы, и надеюсь, что найдутся люди, которые их прочитают.

Я бы не хотел, чтобы название *Маленькие трагедии* воспринималось так, словно я имею намерение соперничать с более искусными авторами. Это не более чем формальное наименование жанра, к которому, как я понимаю, принадлежат предложенные сочинения.

Проза

Дух леса

Волк шёл, опустив морду к земле и почти касаясь её губами, изредка резко поднимая голову и осматриваясь.

В один момент он уловил запах человека. Волк по инерции прошёл ещё три шага и остановился. Он развернулся и, сильно напрягая обоняние, стал водить носом над землёй возле того места, где почувствовал запах. Губы волка были сомкнуты, и от того, что линия, по которой они смыкались, была довольно длинной, его выражение, если смотреть в профиль, было похоже на человеческую улыбку.

Волк пошёл по следу и дошёл до того места, откуда он уже чувствовал запах не следа человека, а самого человека. По мере того, как он шёл, в нём нарастала сила, направленная против инстинктивного стремления настичь и убить добычу. Это была память, что убийство человека не просто убийство добычи – здесь есть ещё что-то.

Волк остановился в момент, когда эта память уравнивала стремление к добыче. Он стоял, вытянув вперёд передние лапы и подогнув сильнее, чем в спокойном состоянии, задние. В нём боролось стремление идти к человеку и бежать от него.

Он стоял так не меньше четверти часа. Потом медленно сделал несколько шагов вперёд и снова встал. Потом пробежал ещё немного и снова остановился. Мучающее его напряжение достигло максимума. Он мотнул головой и тонким голосом коротко выкнул. Он часто переступал ногами и интенсивно махал хвостом из стороны в сторону.

Наконец он резко оттолкнулся от земли и приземлился на передние лапы, причём на правую на мгновение раньше, чем на левую. Задние ноги в этот момент были гораздо выше головы. Пока его передние лапы, сгибаясь в коленях, амортизировали удар, задняя часть тела мягким, но стремительным движением опустилась на уже согнутые задние. И в тот же момент передние лапы с необычайной резкостью выпрямились, и тело, опирающееся теперь только на задние, стало словно удлиняться в направлении вверх так, что в последний момент движения, произошедшего от толчка передних лап, оно встало почти вертикально и оказалось высотой примерно с десятилетнего человека. В следующий момент от земли оторвались задние лапы, и волк, двигаясь по красивой кривой линии, перелетел через высокий куст и приземлился на поляне.

На противоположном краю поляны лежал человек.

Было очень тихо. Пели птицы. Жужжали пчёлы. Шумели деревья.

Человек был обнажён, лишь на поясе у него были связаны лапками две заячьи шкуры. Он лежал на спине, раскинув руки. Пальцы левой руки были согнуты. Причём мизинец был согнут так сильно, что упирался своей подушечкой в ладонь, безымянный – чуть меньше, средний – ещё меньше, а указательный и большой были почти выпрямлены. Голова его была повернута вправо. У него были длинные, цвета коры сосны на середине её ствола, волосы. Под кистью правой руки лежало копьё.

Волк водил носом над поверхностью кожи левой руки человека, не касаясь её, но очень близко. Запах человеческого тела был тошнотворно силён.

Волк не умел ничего делать со спящим человеком. Если бы человек стоял или, к примеру, бежал, он бы прыгнул ему на плечи сзади, перекусил бы сонную артерию и разрушил шейные позвонки. Но что делать со спящим человеком – у волка не было инстинкта, который бы на это указал.

Волк отошёл на пять метров и лёг со стороны левого бока человека, вытянув передние лапы и аккуратно уложив на них голову. Он неотрывно смотрел на человека, широко раскрывая

глаза, только когда тот шевелился, а в остальное время сильно сощурил глаза и иногда почти совершенно их закрывая.

Человек проснулся, когда солнце осветило его лицо. Он отвернулся, но солнце всё равно просвечивало сквозь веки. Он положил на глаза правую руку и некоторое время лежал неподвижно, но уже не спал, а смотрел, как солнечный свет разлился тонкой красной полосой вдоль контура его руки.

Он снял руку с лица, поднял с земли корпус, оставаясь сидеть, и увидел какое-то движение слева от себя. Он повернул голову и увидел встающего с земли волка.

Человек, отклоняясь в противоположную сторону, потянулся за копьём. Волк напрягся, выставив вперёд выпрямленные передние лапы и чуть присев на задних, и серьёзно смотрел на то, что делает человек. Он выглядел как будто встревоженным, но на самом деле его совершенно не занимало, что делает человек. Его заполнило подавившее всё стремление убить и ощущение радости от того, что всё его существо предназначено и хорошо приспособлено, чтобы быть заполненным этим стремлением. Как радостно должно быть сосуду сложной формы придать эту форму заполняющей его жидкости.

И прыгнул он на человека в момент, когда тот дотянулся до копья, не от страха, что человек начнёт защищаться, но потому, что именно в этот момент голова человека была максимально отвёрнута в сторону, а шея – максимально длинна.

Он ударил человека передними лапами в грудь, и когти проткнули кожу и зацепились за рёбра. Зубами он впился в шею, сжал челюсти, и пасть залила обжигающая, больше не оттого, что горячая, но оттого, что сильно его взволновала, кровь.

Человек упёрся руками в брюхо волка, но почти сразу его руки ослабли, и туловище повалилось на спину, а голова, почти отрезанная, – на затылок, из-за чего подбородок задрался кверху. Глаза его были открыты до тех пор, пока их не сожрал волк, — сначала левый, потом правый.

Прошло много времени. Была зима.

Два человека нашли след этого волка и шли по следу. Волк не ел несколько дней, был очень слаб, и люди быстро его нагоняли.

Он перепрыгивал через лежащий перед носом снег, отталкиваясь задними лапами и приземляясь на передние, каждый раз глубоко увязая. Во время прыжка он задевал брюхом снег. Поэтому его след был сплошной неглубокой полосой, сопровождаемой расположенными через равные промежутки четвёрками углублений.

Когда люди увидели волка, они закричали высокими голосами, подняли над головами копья и побежали к нему.

И тогда волк остановился, повернулся к ним, лёг на бок, вытянул вперёд передние лапы, поджал к животу задние, закрыл глаза и сделал вид, что спит.

И люди остановились. Они не знали, что делать. Если бы он удирал от них или тем более нападал на них, они бы знали. Но что делать с лежащим на снегу, часто и ровно дышащим волком, – такого навыка у них не было.

– Дух леса не хочет, чтобы мы убили его сына, – сказал один из них.

– Смотри, – сказал второй, показывая на вытянутые передние лапы волка, – он указывает в ту сторону, где мы поставили ловушку на зайца. Наверное, он хочет, чтобы мы принесли ему зайца.

Он сел над волком на корточки и сказал:

– Ты подожди здесь, а мы достанем из ловушки зайца и принесём тебе.

И они ушли.

Когда воздух очистился от их запаха, волк встал, отряхнулся от снега и медленно, часто отдыхая, запрыгал в сторону заходящего солнца.

Письмо младшего сына

На круглом столе, застеленном белой скатертью, стоит глиняная ваза с полевыми цветами, и лежит нераспечатанное письмо. Стол стоит посередине комнаты в старом деревянном доме. Пол в комнате из очень широких, однажды покрашенных досок, стены покрыты неравномерно выцветшими и словно впитавшимися в них обоями. Окно открыто, и ветер проникает в комнату и шевелит цветы в вазе. Они сухо шуршат.

Через окно видны склон холма, уходящий от дома вниз, луг под холмом, речка, текущая через луг. Впрочем, видна не собственно речка, то есть вода, но кривая линия, образованная деревьями и кустами, растущими по обоим берегам речки. За лугом лес, и дальше только небо. На небе много облаков, но они не покрывают его сплошь и редко закрывают солнце.

Дует сильный ветер, и видно, как колыхнется трава на лугу, качаются ветви деревьев и кустов на берегах речки, и быстро движутся по небу облака, а по земле – их тени.

В комнате на диване сидит женщина.

В этом доме жил её бывший муж. Два дня назад он умер, и вчера его похоронили. Она приехала, потому что получила его письмо. Он писал, что неизлечимо болен и хочет её увидеть.

Когда она приехала, то увидела, что он готов к смерти. Он был очень худ, глаза и рот сильно впали, кожа была светлой и холодной.

– Как ты живёшь? – спросил он.

– Нормально, – сказала она, пожав плечами.

– Как твои дети?

– Хорошо. Старший женат. У него дочка. Младшая заканчивает медицинский.

– Я не хочу, чтобы у тебя остались какие-нибудь претензии.

– Ну что ты. Какие могут быть теперь претензии. Что было, всё прошло.

– Я виноват перед тобой. Прости меня.

– Да я давно на тебя не сержусь. Что сердиться-то... Без пользы. Да и особо не за что.

– Значит, не сердишься?

– Нет.

– Ну и слава богу.

Он поднял лежавшую на одеяле руку, положил на её руку и слабо пожал.

Она взяла эту руку и положила на место.

Он умер на следующий день. Она не видела его смерти. Ей сказали, что он умер, она вошла в комнату и увидела его.

Он был точно такой же, как накануне. Было таким же выражение лица, такой же цвет кожи, так же его руки лежали вдоль тела на одеяле.

И не было какого-нибудь изменения в её чувствах к нему. Она воспринимала его точно так же, как накануне. Для неё, оказывается, не было разницы, жив он или мёртв. Она бы нисколько не удивилась, если бы его глаза раскрылись, посмотрели бы на неё, и он бы спросил: «У тебя нет ко мне никаких претензий?»

Рядом с кроватью стояли его теперешняя жена и его сын.

Этого человека родила женщина, из-за которой они разошлись.

На похоронах были она, его жена, сын и ещё несколько местных жителей, которых она не знала. Его похоронили, помянули, переспали ночь, и теперь надо было уезжать.

Женщина сидит на диване и, глядя в раскрытое окно, ждёт, когда придёт машина, чтобы ехать на станцию.

Входит его сын. Он ходит по комнате и останавливается у окна.

– Вы бывали здесь раньше? – спрашивает он.

– Нет. Не бывала.

– Здесь неплохо. Довольно красиво.

– Да, красиво.

Он закрывает окно. Сразу становится заметно теплее и тише. Перестают шуршать цветы в вазе.

– О чём он с вами говорил? – спрашивает сын.

– О вашей матери мы не говорили.

– А я не боюсь, что вы говорили о моей матери. У вас нет причин обижаться на мою мать. У вас в конце концов всё получилось хорошо. Муж, дети, благополучие, здоровье. А моя мать растила меня одна.

– Давайте не будем предъявлять друг другу претензии. Давайте не будем ссориться. Кому-кому, а нам с вами делить нечего.

– Всё же согласитесь, вы должны быть благодарны моей матери за то, что она избавила вас от этого негодяя.

– Не говорите так. Он уже умер.

– Да, вы правы. Неприлично и без толку. Всё-таки зачем он вас вызвал?

– Он хотел, чтобы я отпустила ему его грехи.

Он смеётся.

– Его грех перед вами – моя мать и я. И что, вы отпустили ему его грехи?

– Да. Мне это ничего не стоило.

Он снова смеётся.

– Не обижайтесь на меня, – говорит он. – Я, честное слово, не хотел вас задеть.

– Неприлично и без толку...

– Нет. Просто я действительно к вам ничего не имею. Если бы он оставил хотя бы какое-то наследство и обделил бы меня в вашу пользу, и то, думаю, я перенёс бы это спокойно. Просто я почему-то возбуждён и говорю не то, что надо.

– Чем возбуждены? Смертью?

– Представьте себе. Я много лет воображал, как приеду к нему и скажу всё, что я о нём думаю. И как ему будет нечего возразить. И как он будет просить простить его. И как я буду наслаждаться его унижением...

– И почему же вы приехали только сейчас?

– Сначала мне запрещала мама. А после её смерти всё это как-то ослабело. Дела, заботы, семья... Нужно было найти время... Лучше с семьёй в отпуск или с друзьями на охоту. И тут он присылает письмо, что хочет меня увидеть.

– И вы обрадовались...

– Вы даже не представляете как. Я сам не ожидал, что всё это по-прежнему так сильно и важно.

– И что, вы ему это сказали?

– Я сказал, что я его прощаю.

– Почему?

– А вы почему?.. Знаете, вы напоминаете мою мать. Всё-таки в женщинах он разбирался, отдадим ему должное.

– Спасибо.

– Что это за письмо на столе?

– По-моему, от его сына.

– Ах да, у него есть ещё сын. На похороны отца юноша явиться не соизволил. Очевидно, необычайно занятая личность...

Со двора слышен звук подъехавшего автомобиля. Входит его жена.

– Машина пришла. Можно ехать на станцию, – говорит она.

Она стоит у двери, и, чтобы выйти из комнаты, надо довольно близко пройти мимо неё.

Сын проходит быстро и не взглянув на неё.

А женщина, подойдя к ней, ощутив её вблизи, почувствовав её тепло и запах, останавливается и взглядывает на неё.

Он действительно выбирал женщин, похожих друг на друга, женщин одного типа. Они ясно чувствуют сейчас эту близость друг другу, эту свою однотипность. Подобно тому, как люди одной национальности чувствуют родство друг к другу. Впрочем, в любых двух людях есть способность ощутить взаимное родство, и для любой пары людей можно найти условия, когда эта способность проявится. Это простая физиологическая основа любви и добра, которой снабжён каждый человек так же, как способностью видеть, слышать, есть, пить и спать.

Женщина уходит.

Слышно, как уезжает машина. Становится тихо.

Женщина открывает окно, и немедленно становится прохладно. Снова начинают шуршать цветы в вазе.

Она берёт со стола конверт, садится на диван, вскрывает письмо и читает.

«Дорогой папа, я получил твоё письмо, где ты пишешь, что заболел, и в общем не разделяю твоей тревоги. Если вычесть твою мнительность, о которой я тебе уже много раз говорил, а также тупость врачей, которые, как известно из рассказов единственного из них чего-то стоящего человека по имени А. П. Чехов, ни бельмеса в медицине не подсекают, то останется в общем естественное для твоего возраста недомогание, которое лечится элементарным упорядочением режима дня. Короче, побольше бывай на воздухе и поменьше сиди у телевизора.

Можно попробовать по утрам бег трусцой. У нас есть профессор. Он на десять лет тебя старше, бегают трусцой, не ест мяса, не курит и выглядит, как огурчик.

Ты спрашиваешь, когда я приеду. К сожалению, летом я не приеду. Я уже записался в стройотряд и, как ты понимаешь, не могу подвести товарищей из-за того, видите ли, что мне охота поесть маминых блинчиков. Мало ли чего нам хочется! Ты сам мужчина и отлично понимаешь, что долг прежде всего.

Так что я приеду где-то в начале сентября, максимум октября. И то, если нас не ушлют на картошку. Если пошлют, тогда уже после картошки. Потому что занятий я могу пропустить пару дней, а с картошки, как ты сам прекрасно понимаешь, не смоешься.

Как там мать?

Впрочем, она, конечно, тоже читает это письмо. Так что здравствуй, мама. Пишет тебе твой единственный сын. А спешу я тебе сообщить, что я жив-здоров, цел-невредим, в меру сыт и даже где-то доволен своей жизнью.

Кстати, предки, хочу вас предупредить: когда я приеду, то приеду не один, а с товарищем, который мне даже немного больше, чем товарищ, и которого, между прочим, зовут Люда. Так что готовьтесь.

Ну вот. В общем всё. С учёбой у меня в меру нормально. Из стройотряда я вам, естественно, напишу.

Батя, не расслабляться. По утрам пробежка. Чтобы я приехал, и ты был у меня, как огурчик.

Мам, береги отца. Ибо, как доказано наукой, мужчин вообще надо беречь, а не то вымрут, как динозавры.

Предки, будьте здоровы.

Ваш любящий сын».

Женщина кончает читать письмо и молча сидит, держа его в руке и опустив руки на колени. Она смотрит в окно.

Ветер проникает в комнату, шевелит цветы в глиняной вазе, письмо в руке у женщины и её волосы. Тихо, только слышно сухое шуршание. Шуршат цветы, но, если отвлечься, делается непонятно, что шуршит: цветы, письмо или волосы.

Две супружеские пары в одном купе

1

В купе ехали две супружеские пары. Одна молодая – по двадцать семь лет, другая старая – по шестьдесят.

Молодые поженились четыре года назад. Жену звали Аня, а мужа – Юра. У них была дочь. Она сейчас была у Аниных родителей, и Аня и Юра ехали за нею.

У них был ещё один ребёнок. Только он ещё не родился. Они зачали его два месяца назад, и за два дня до отъезда Аня сказала об этом Юре.

Когда они ещё не поженились, они решили, что у них будет трое детей. Но после рождения дочери, после того, как Юра ушёл с завода, поступил в аспирантуру и стал зарабатывать намного меньше, и, вообще, когда потекла реальная нормальная семейная жизнь, в которой понятие «ребёнок», с тривиальной точки зрения возвышенное, а на самом деле вполне сопоставимое с такими понятиями, как «квартира», «зарплата» и тому подобными, им стало очевидно, что по крайней мере в ближайшем будущем заводить второго ребёнка не следует.

И поэтому, когда Аня поняла, что беременна, она испытала не радость, нежность и любовь, но страх и растерянность. И одним из проявлений этих страха и растерянности было то, что она не решалась говорить об этом с Юрой.

Поэтому она ничего не говорила.

Но за два дня до отъезда ей в его присутствии сделалось дурно. И когда дурнота прошла, он спросил, не беременна ли она, и она ответила, что беременна. Юра ничего не сказал.

Теперь они находились в довольно сильном напряжении, когда им было неприятно не только говорить, но и думать об этом.

Вторая пара были пожилые люди Анна Павловна и Сергей Сергеевич. Они были женаты больше тридцати лет. У них была дочь. Она не была замужем, и у неё не было детей. Она жила в том же городе, где и Анины родители, и Анна Павловна и Сергей Сергеевич ехали к ней в гости.

Если задать вопрос, зачем родители ездят к своим детям в гости, то окажется, что на него невозможно вразумительно ответить. Подобно тому, как невозможно ответить, зачем небо синее, вода мокрая, а Земля круглая.

Так устроен мир. Существует такое явление – любовь. И помимо прочего она проявляется в том, что, если дети и родители подолгу не видятся, у них возникает желание увидеться, и они едут друг к другу в гости.

В семье Сергея Сергеевича и Анны Павловны любви не было. Вместо любви была нелюбовь.

И любой из вопросов, единственным ответом на который является любовь, как то – «Зачем вы живёте вместе?», «Зачем вы спите вместе?», «Зачем вы родили и воспитали дочь?», – любой такой вопрос вызвал бы у них ужас сочетанием своей бессмысленности и абсолютной актуальности.

Но они не задавали себе таких вопросов. Они уже очень давно жили в нелюбви, привыкли к ней и не замечали её.

Нелюбовь оказала на них сильное воздействие. Человек делается некрасив, когда морщится от отвращения. Именно такое выражение, не вполне, впрочем, отчётливое, но вполне заметное, закрепилось на их лицах.

Поезд уходил рано утром, а прибывал на нужную им станцию поздно вечером. Предстояло ехать целый день.

Аня и Юра зашли в купе, когда Анна Павловна и Сергей Сергеевич уже были там.

Аня и Юра уложили вещи в ящик под нижней полкой и уселись на неё.

– Ведь это же какой идиотизм! – вдруг сказал Сергей Сергеевич. – Это же надо быть таким кретином! Руки-ноги пообломать, честное слово! Ехать семнадцать часов – так обязательно надо сделать так, чтобы с утра до вечера! Ребёнку же грудному понятно, что лучше уехать вечером, по-человечески выспаться и утром приехать!

– Только у тебя не спросили! – сказала Анна Павловна.

– А я, кажется, не к тебе обращаюсь! – резко, испугав этим Аню, сказал Сергей Сергеевич. – Я обращаюсь к молодому человеку.

Юра сидел напротив Сергея Сергеевича, откинувшись к стенке, и смотрел вверх. Он ни о чём не думал, но он находился в том напряжённом состоянии, в котором был последние два дня и от которого, между прочим, получается задумчивый внешний вид. Он опустил глаза, пустым взглядом оглядел Сергея Сергеевича и снова стал смотреть поверх его головы.

Поезд тронулся.

– Наконец-то! – с презрением сказал Сергей Сергеевич. – Это ты тоже скажешь порядок! Две минуты задержки в отправлении!

– Ну что за невозможный человек! – сказала Анна Павловна. – Что ты всем недоволен?! Что ты ко всему придираешься?! У тебя просто часы спешат.

– Это ты невозможный человек! – ответил Сергей Сергеевич. – Тебе слова нельзя сказать!

– Не буду я с тобой разговаривать! – сказала Анна Павловна. – С тобой невозможно спокойно разговаривать.

– И не надо! Ха-ха-ха! Мне же лучше, – сказал Сергей Сергеевич и посмотрел в лицо Юре.

Юра снова пустым взглядом осмотрел Сергея Сергеевича, потом Анну Павловну, вздохнул и поднялся.

– Я пойду покурую, – сказал он Ане.

Он прошёл в маленькое отделение в конце коридора, закрыл за собой стеклянную дверь, открыл окно и закурил.

Поезд шёл с грохотом, весело, бодро. Вагон интенсивно раскачивался.

Юра выкурил сигарету, дав окурку щелбана, выстрелил им через окно, сложил руки на груди и долго стоял, щуря глаза и позволяя ветру шевелить ему волосы.

Он закрыл окно и пошёл к купе. У окна напротив купе стояла Аня.

– Ты что выскочила? – спросил Юра.

– Они там стелятся, – сказала Аня.

– Спать ложатся?

– Да.

– А ты спать не хочешь?

– Хочу. Я не доспала. К тому же делать нечего и сидеть негде. Они заняли обе нижние полки.

Юра прошёл в служебное купе, взял у проводницы два комплекта белья и вернулся к купе.

– Давно они укладываются? – спросил он.

– Да уже заходи, наверное, – сказала Аня.

Юра вошёл в купе.

Анна Павловна и Сергей Сергеевич лежали на нижних полках. Анна Павловна лежала на боку, отвернувшись к стенке и укрывшись простынёй. Сергей Сергеевич лежал на спине, не укрывшись, и читал «Футбол-Хоккей». Он был в зелёном спортивном костюме. Сергей Сергеевич подтянул под себя ноги и сказал:

– Пожалуйста, садитесь.

Юра рассеянно посмотрел на него, положил постели на столик, раскатал на верхних полках матрацы и постелил на них бельё.

Аня была в платье. Чтобы залезть на верхнюю полку, ей надо было переодеться. Её одежда была в чемодане. Чемодан был под полкой. На полке лежал Сергей Сергеевич.

– Вы не подниметесь? Я достану чемодан, – сказал Юра.

– Пожалуйста, пожалуйста, – сказал Сергей Сергеевич.

Он был тяжёл не пропорционально своей физической силе. Поэтому, чтобы подняться из положения «лёжа на спине», ему было нужно работать не только мышцами живота, но и руками и ногами. К тому же он был очень неловок. Он неправильно подставил под себя руки, не удержал на них корпус и повалился на спину.

Анна Павловна повернула к нему голову и сказала:

– Да быстрее же ты, о господи! Человек же ждёт.

– Лежи ты, ради бога! – сказал Сергей Сергеевич.

Он встал.

Юра достал Анину одежду – джинсы и с красной отделкой синюю кофточку, туалетные принадлежности, две книги, пакет с едой, бутылку пива, бутылку лимонада, поставил чемодан назад в ящик и опустил полку. Сергей Сергеевич снова лёг. Юра поставил бутылки и положил пакет с едой на столик, туалетные принадлежности и книги положил на свою постель, Анину одежду взял с собой и вышел из купе.

Аня стояла у окна. Она думала в этот момент о дочке. Точнее, она ничего не думала. Просто воспоминание о дочке вдруг возникло в ней и заполнило её как нечто материальное, слегка тёплое и очень лёгкое. Ей захотелось спросить у Юры, соскучился ли он по дочке. Дело было не в том, что она сомневалась, что он соскучился. Она не сомневалась. Дело было в том, что в тот момент, когда она думала о дочке и увидела мужа, естественным и, значит, единственно возможным, о чём у неё могло возникнуть желание поговорить с ним, было желание поговорить о дочке. Но это было так естественно и так интимно, что она постеснялась говорить это в коридоре вагона, в присутствии чужих людей.

Она взяла одежду, пошла в туалет, переделась, вернулась, вошла в купе и закрыла за собой дверь.

Юра остался у окна напротив купе. Окно было закрыто, и звук идущего поезда не был таким жёстким и мощным, как когда он стоял у открытого окна. Но ощущение силы, бодрости, скорости, радости было хотя и не сильным, но ясным и приятным.

Он стоял и смотрел в окно примерно час. Потом он вошёл в купе.

Все трое, Сергей Сергеевич, Анна Павловна и Аня, спали.

Аня лежала на боку, отвернувшись от стенки и очень близко к краю полки.

Юра был такого роста, что, когда он подошёл к Ане, их лица оказались близко друг от друга. Он ощутил её дыхание. Он просунул руку ей под бок и сделал так, что её тело перекатилось по руке и улеглось на другой бок подальше от края полки. Она не проснулась и что-то пробормотала.

Он залез на свою полку, туалетные принадлежности и одну из книг, лежавших на постели, переложил на сетчатую полочку, вделанную в стенку, а другую книгу, улёгшись на спину, стал читать. Примерно через четверть часа в нём словно сработал часовой механизм, отключивший мозг и закрывший глаза. Он успел только положить книгу на сетчатую полочку и мгновенно и очень крепко уснул.

Поезд ровным, монотонным движением усыпил почти всех, кто в нём находился. По вагону шла проводница. В тамбурах и коридоре никого не было. В тех купе, двери которых не были закрыты, были видны спящие люди.

Поезд шёл неумоимо, мощно, ровно. Был мягкий, тёплый, немного тяжёлый день в конце лета. В вагоне было душно.

Проводница открыла три окна в коридоре и ушла в служебное купе. Ей тоже хотелось спать, но она привычно преодолела сон и сидела на полке, откинувшись к стенке, сложив руки под грудью и напевая.

2

Аню разбудил разговор Анны Павловны и Сергея Сергеевича. Они обедали. На столике была расстелена газета, на ней лежали яйца, куски курицы, колбасы, хлеба, помидоры, огурцы, яблоки, стояла банка с маслом.

Их разговор разбудил Аню не оттого, что он был громкий (они специально старались говорить тихо, чтобы не разбудить Аню и Юру), но оттого, что он был злобный.

Ссора была такой. Сергей Сергеевич, задумчиво поглядывая в окно, намазал кусок хлеба маслом и, не вытерев нож, стал резать помидор.

– Что ты делаешь! – жёстким шёпотом сказала Анна Павловна. – Ты думаешь, что ты делаешь, или нет! Кто это ест помидор с маслом!

Сергей Сергеевич с силой бросил нож на стол и тоже шёпотом и с яростью глядя на Анну Павловну сказал:

– Дашь ты мне когда-нибудь спокойно поесть!

– Что за человек! Что за невозможный человек! – шёпотом сказала Анна Павловна. – Нельзя сделать замечание. Что я тебе такого сказала! Тебе ничего нельзя сказать! Ты сразу кричишь!

– Это ты кричишь! – сказал Сергей Сергеевич.

Они замолчали. Анна Павловна продолжала есть, а Сергей Сергеевич отвернулся от неё и злобным взглядом смотрел в окно.

«Как они не любят друг друга! – удивлённо подумала Аня. – Как не любят!»

Она лежала на спине, положив руки на живот. Ей было жарко и очень хотелось есть и пить.

Она протянула руку к Юре и толкнула его.

– Юра, проснись, – сказала она.

Юра проснулся и, взъерошенный, вспотевший, посмотрел на неё одурманенными глазами.

– Что? – спросил он.

– Хватит спать, ночью не заснёшь, – сказала Аня.

– А сколько времени?

– Два.

Юра перевернулся на спину и неподвижно пролежал несколько минут, отдыхая и остывая. От сна в душном купе сделалась несвежей голова и побаливали мышцы.

«Сейчас пивка хлебну, сжую чего-нибудь, – подумал он. – Пиво тёплое, но чёрт с ним, другого всё равно нет. Анька наверняка тоже голодная. Скоро там эти друзья столик освободят?».

Он посмотрел вниз. Анна Павловна медленно жевала. Сергей Сергеевич смотрел в окно.

«С этими ребятами, чувствую, толку не будет», – подумал Юра.

Он перегнулся вниз, поднял к себе на полку бутылки с пивом и лимонадом и пакет с едой, полусел, прислонившись к торцевой стенке купе, открыл бутылку лимонада, зацепив край пробки за крючок, вделанный в стенку, и резко дёрнув бутылку, и отдал её Ане.

Аня устроилась у себя на полке так же, как Юра, взяла у него лимонад и отпила за раз почти половину бутылки.

– Пить охота, – запыхавшись от питья из горлышка в неудобном полусидячем положении, сказала она.

Юра расстелил пакет у себя на коленях, и они стали есть. Юра подавал Ане то, что она просила, и она ела, запивая лимонадом.

Обычно за едой они разговаривали. Точнее, говорила Аня, а Юра изредка рассеянно поддакивал. И теперь она, полусидя на полке, с бутербродом в правой руке и бутылкой в левой, медленно жуя и задумчиво глядя перед собой, вдруг вспомнила вчерашний разговор о том, брать или не брать с собой осенние туфли на случай дождя и слякоти. Тогда они решили их не брать и не взяли. Но сейчас Аня вдруг подумала, что зря они их не взяли. Потому что, во-первых, хотя мама и сказала по телефону, что у них хорошая погода, но она сказала это позавчера, и с тех пор погода вполне могла испортиться; во-вторых, даже если погода у мамы всё-таки не испортилась, дождь вполне может их встретить, когда они будут возвращаться домой; и, в-третьих, даже если погода будет сухая всё время, пока они ездят туда-сюда, туфли вполне можно было взять на всякий случай, потому что в чемодане всё равно осталось место.

И как только Аня подумала об этом, у неё возникло желание сказать всё это Юре.

– Послушай, Юра, – начала она и повернула голову, чтобы проговорить всё остальное.

Но в этот момент в поле её зрения вошли Анна Павловна и Сергей Сергеевич, и её словно обожгло.

Аню поразило чувство, которое она испытала. Ей не удалось повести себя просто и обыкновенно в присутствии этих людей. Её инстинктивный порыв сказать Юре то, что пришло ей в голову, натолкнулся на жёсткий, грубый запрет.

Это было тяжёлое чувство раздражения и брезгливости. Подобно тому, как человек, хотя для него естественно дышать, брезгуя зловонным воздухом, сдерживает дыхание.

И это чувство сильно нарушило состояние, в котором она до сих пор находилась. Состояние радости от того, что она едет к отцу, матери и дочери, и состояние боли и страха от того, что надо что-то решать насчёт ребёнка. Она резко замкнулась и помрачнела.

– Что? – спросил Юра.

– Ничего, – сказала Аня.

Она доела бутерброд, допила лимонад, слезла с полки и вышла из купе.

Сергей Сергеевич и Анна Павловна кончили обедать. Анна Павловна отнесла мусор в маленькое отделение в конце вагона. Там есть мусорный ящик, и она выбросила в него мусор. Когда она возвращалась в купе, навстречу ей вышел Юра. Он тоже нёс мусор. Он закрыл за собой застеклённую дверь, отделяющую маленькое отделение от вагона, выбросил мусор в ящик, открыл окно и закурил.

Аня стояла в коридоре напротив своего купе и смотрела в окно. Анна Павловна остановилась возле неё.

– Я смотрю, у вас муж такой заботливый, – сказала она. – И накормил вас, и убрал сам. Молодец.

Аня посмотрела на неё, растерянно улыбнулась и снова отвернулась.

– Вы давно женаты? – спросила Анна Павловна.

– Да, четыре года, – сказала Аня.

– А дети у вас есть?

– Есть. Дочка.

– И сколько ей?

– Через месяц будет три.

– А зовут её как?

– Оля.

– Да? Мою дочь тоже зовут Оля. Только ей скоро будет тридцать три. – Она произнесла это так, как естественно женщине говорить о взрослой дочери: с гордостью, нежностью и радостью. Но такой тон её голоса был неожиданным для Ани. Она удивлённо посмотрела на Анну Павловну.

– Что вы смотрите? – сказала Анна Павловна.

– У вас такая взрослая дочь! – сказала Аня.

– Мне самой не верится, – сказала Анна Павловна и засмеялась. – А куда вы едете? – спросила она.

– К моим родителям. За дочкой. Она всё лето была у них.

Если бы Аня не знала об Анне Павловне то, что она знала, или если бы она знала о ней что-нибудь кроме того, что она знала (Анна Павловна была вполне нормальная во всём, за исключением отношений с мужем), она непременно заинтересовалась бы тем, что они едут в один город, что у них обеих там дочери, что обеих дочерей зовут Ольга; и ей было бы забавно, что дочь, то есть что-то маленькое, беспомощное, страстно трогательное, может быть взрослой, даже старше её самой, женщиной. И она бы долго говорила об этом с Анной Павловной. Она рассказала бы о себе, о Юре, о дочери, о родителях. Она дала бы адрес и пригласила бы непременно приходить в гости. Она бы спросила, не нужно ли чем-нибудь помочь дочери Анны Павловны. Всё-таки она живёт одна, и вполне может быть нужно чем-нибудь помочь. А если нужно, то можно устроить, потому что её отец хотя сам не начальник, но у него весь город друзья-приятели, и главный милиционер, и главный пожарник, и в исполкоме, и в горкоме, и они всегда, если он попросит, помогут.

То есть Аня вела бы себя, как естественно вести себя в такой ситуации нормально воспитанной, здоровой, простодушной женщине. Но она снова испытала угнетающий, болезненный запрет вести себя естественно и свободно. Она отодвинулась от Анны Павловны и молча смотрела в окно.

А Анна Павловна, вспомнив о дочери, нежно улыбалась, и эта улыбка любви на её изуродованном нелюбовью лице была страшной, как гримаса.

Юра выкурил сигарету и вернулся в купе.

Сергей Сергеевич лежал на полке и читал «Футбол-Хоккей».

– Вы слышали, кто будет тренером сборной? – спросил он.

– Нет, не слышал, – ответил Юра.

– После провала на Олимпиаде Бескова, как это у нас принято, попрут, – сказал Сергей Сергеевич. – Вы видели матч с ГДР?

– Да. Тяжёлый случай.

– Остолопы! – воскликнул Сергей Сергеевич. – Остолоп на остолопе и остолопом погоняет! Это же детский сад! Молокососы! Они, видите ли, много забили Кубе, переутомились и не смогли как следует сыграть с ГДР! Лепет грудного младенца! Не было у нас футбола, нет и не будет! Вы не согласны?

Юра пожал плечами. Он стоял между полками и смотрел в окно. Мимо окна на фоне неба, деля его на неравной ширины параллельные полосы, непрерывно текли провода. Они текли, опускаясь вниз, затем, достигнув минимума, мягко поворачивали вверх и вдруг жёстко натыкались на вертикальный столб, к которому крепились. Столб стремительно проносился мимо, и провода снова лились плавно, сначала опускаясь, потом поднимаясь. Это было, несомненно, красиво: плавно вниз – плавно вверх – столб, плавно вниз – плавно вверх – столб... И так до бесконечности.

– Вы знаете, сколько весит этот вагон? – спросил Сергей Сергеевич.

– Тонн пятьдесят, – рассеянно ответил Юра.

– Тридцать шесть, – сказал Сергей Сергеевич. – Я, когда садился, специально посмотрел. На нём написано. И мест в нём тридцать шесть. Вот дурость, честное слово! А потом выступает по телевизору президент Академии наук и говорит, что в стране дефицит металла. В Японии вагоны давно делают из пластмассы.

– Бывали? – спросил Юра.

– Что?

– Бывали в Японии?

– Нет. Один человек рассказывал.

Юра залез на свою полку и стал читать книгу. Сергей Сергеевич вышел в коридор.

Анна Павловна и Аня стояли у окна напротив купе. Сергей Сергеевич встал у соседнего окна и разговорился со стоявшим там пассажиром.

– Вы знаете, сколько весит это вагон? – спрашивал Сергей Сергеевич.

– Что-нибудь тонн пятьсот, – отвечал пассажир.

– Тридцать шесть!

– Что вы говорите!

– И мест в нём тридцать шесть. Улавливаете?

– Признаться, не совсем.

– Ну как же! Тонна металла только для того, чтобы прокатить одного человека! А потом выступает президент Академии наук и говорит, что в стране дефицит металла. Это же смешно!

Аня вошла в купе, закрыла за собой дверь, залезла на полку, улеглась на спину и стала читать книгу. Примерно через четверть часа она отложила книгу, закрыла глаза, положила правую руку на грудь и простонала.

Юра очень быстро, не больше чем за десять секунд, спрыгнул с полки, поднял нижнюю полку, открыл чемодан, достал флакон с нашатырным спиртом и подошёл к Ане. Она повернула к нему голову с закрытыми глазами, и он поднёс флакон к её лицу. Она вздохнула и, дёрнувшись, отвернулась. Из-под закрытых глаз у неё пролились слёзы.

– Ну что? – спросил Юра.

Аня ничего не сказала.

Юра вложил флакон в её руку.

– Чуть что – нюхай, – сказал он.

Аня лежала на спине, отвернув голову к стенке.

– Доедешь? – спросил Юра. – А то скоро станция, можно выйти.

– Не надо. Я доеду, – сказала Аня.

Юра стоял, глядя на неё, пока она не порозовела. Затем он залез на свою полку и стал читать книгу.

3

Анна Павловна стояла у окна напротив купе. Сергей Сергеевич подошёл к ней.

– Заперлись в купе? – спросил он, кивнув на дверь купе.

– Почему «заперлись»? Вечно у тебя какие-то выражения, – сказала Анна Павловна.

– Что они там делают, интересно, – сказал Сергей Сергеевич.

– Откуда я знаю? Зайди и посмотри, – сказала Анна Павловна.

– Они что, муж и жена? – спросил Сергей Сергеевич насмешливо.

– Да.

– А ты откуда знаешь?

– Она мне сама сказала.

– Что-то они мне не нравятся, – сказал Сергей Сергеевич.

– Чем это они тебе не нравятся?

– Да какие-то они... – сказал Сергей Сергеевич, и его лицо, как гармошка, привычно сложилось в гримасу отвращения. – Я посмотрю, что они делают.

Он вошёл в купе.

В купе звук движения поезда был гораздо слабее, чем в коридоре. Пахло нашатырным спиртом. Аня лежала на спине, положив руку на грудь и отвернув голову к стене. Юра читал книгу.

- Вы не брали «Футбол-Хоккей»? – спросил Сергей Сергеевич.
- Нет, не брали, – сказал Юра.
- Ах, вот он, – сказал Сергей Сергеевич, взял газету и вышел из купе.
- У них там пахнет чем-то, – сказал он Анне Павловне.
- Чем?

– Ну откуда я знаю! Гадостью какой-то!

– Чем это там может пахнуть?

– Сходи сама понюхай, если не веришь!

Анна Павловна вошла в купе и глубоко вздохнула.

– Извините, у вас не найдётся чего-нибудь почитать? – спросила она.

– Ой, знаете, у меня есть книжка, но я её сейчас сама читать буду, – сказала Аня.

Анна Павловна вышла в коридор.

– Нашатырным спиртом пахнет, – сказала она. – Наверное, девочку укачало.

– Да что ты, спятила! – сказал Сергей Сергеевич. – Что я, не знаю, как пахнет нашатырный спирт!

– А чем же, по-твоему, там пахнет?

Сергей Сергеевич оглянулся, приблизился к Анне Павловне и заговорил очень тихо:

– Помнишь, в «Литературке» писали, как какая-то сволочь ездила в поездах, делала спящим людям уколы какой-то гадостью и обворовывала их. Ты после того, как проснулась, ничего не чувствуешь?

Анна Павловна прислушалась к себе и услышала шум в голове, покалывание в сердце, посасывание в печени и тяжесть в кишечнике.

– Да. Что-то с головой, – сказала она.

– То-то, я смотрю, меня подташнивает, – сказал Сергей Сергеевич. – Ах, сволочи! Какие всё-таки сволочи бывают на свете! Садисты! Изверги!

– Пойди посмотри, что пропало, – сказала Анна Павловна.

– Да ты что! Ты соображаешь, что говоришь! Я на его глазах буду рыться в чемодане! Да он сразу всё поймёт! Пристукнет меня и выбросит в окно!

– Ну хорошо, а что ты предлагаешь?

– Я предлагаю вызвать милицию!

– Какой наивный человек! Милиция же первое, о чём спросит, что пропало!

– Это ты наивная!

– И не кричи на меня!

– Это ты кричишь!

На самом деле они разговаривали довольно тихо. Специальный инстинкт, заставляющий человека не демонстрировать то, чем он отличается от других людей, в случае Сергея Сергеевича и Анны Павловны действовал так, что в присутствии людей они ссорились тихими головами. Но это стоило им больших усилий. Они были красные, потные, тяжело дышали, и у них сильно билось сердце.

Они замолчали и отвернулись друг от друга.

Это была обычная последовательность состояний в их общении. Сначала они находились в нейтральном настроении, потом очень быстро раздражались, потом раздражение достигало такого уровня, когда они уже не могли разговаривать, и они замолкали, отворачивались друг от друга, ждали, когда снова вернётся нейтральное настроение, и всё повторялось снова.

Такой способ общения выработался годами жизни в сильной нелюбви. Он оказался в этих условиях оптимальным и вытеснил все другие способы человеческого общения, например, способ разговаривать спокойно, или небрежно, или весело, или грустно, или доверчиво, или, допустим, просто молчать в присутствии друг друга.

Они успокоились и снова повернулись друг к другу.

И вдруг Анна Павловна широко раскрыла глаза, побледнела и спросила:

– А где твои часы?!

Сергей Сергеевич посмотрел на свою руку. Часов не было.

Приступ дурноты окончательно прошёл, и Аня отвернулась от стены.

Юра лежал на животе, подложив под подбородок сложенную вдвое подушку, и смотрел в окно.

Аня стала смотреть на него.

У неё иногда возникала потребность подолгу смотреть на него. При этом обычно появлялись интересные, довольно сильные и почти всегда нетривиально приятные впечатления.

Например, уже давно, когда они ещё не были женаты, они тоже однажды ехали в поезде, и Юра тоже смотрел в окно, а Аня смотрела на него. И она вдруг подумала, что вот этот парень на самом деле не просто парень и не просто человек, но её мечта. Ей было смешно, и она была разочарована, что вот эти глаза, уши, нос, волосы, руки, ноги, одежда, ботинки – всё это и есть мечта.

– Ты чего? – спросил тогда Юра.

– Ничего, – сказала Аня.

Или как-то раз, уже после свадьбы, они были на рыбалке. Юра в высоких по пах резиновых сапогах стоял по колено в воде и удил. Аня подошла к берегу, чтобы набрать в котелок воды. Она села на корточки и стала смотреть на него. Было тихо и пасмурно, и она попала под сильный гипноз тишины, влажного воздуха и белого рассеянного света. Она вдруг восприняла его стоящим на обрубленных по колено ногах на твёрдой серой поверхности. Она пыталась заставить себя поверить, что это поверхность воды и что ноги ниже колен не видны просто потому, что находятся под этой поверхностью. Но зрительная иллюзия была такой сильной, что у неё не получалось в это поверить. Она дико закричала. Юра обернулся, не увидел, отчего можно так кричать, снова отвернулся и, пятясь и таща за собой удилище, вышел на берег.

– Ты что? – спросил он удивлённо.

Она посмотрела на его ноги, отвернулась и пошла прочь.

Или немного позже, когда она уже была на сносях, он ремонтировал будильник, а она смотрела на него. Его лицо было сильно освещено лампой, под которой он работал, и её внимание вдруг сконцентрировалось на открывшейся ей в этот момент сложной конструкции мужского лица. Она видела не глаза, но глубокие тёмные впадины с мерцающим оттуда неярким светом; не брови, не нос, не губы, но длинные мощные хребты; не лоб и не щёки, но обширные равнины с небольшими неровностями. По производимому впечатлению это было похоже на поверхность Луны, когда она однажды смотрела на неё в телескоп.

Он взглянул на неё и спросил:

– Ты что?

– У тебя лицо, как Луна, – сказала она.

– А я думал, Юпитер или на худой конец Марс какой-нибудь, – ответил он, и они рассмеялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.